
ЧЕЛОВЕК, ОБЩЕСТВО, КУЛЬТУРА MAN, SOCIETY, CULTURE

Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 2 (460). Философские науки. Вып. 63. С. 66—74. ISSN 1994-2796 (print).

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2022;(2(460):66-74. ISSN 1994-2796 (print).

Научная статья

УДК 130.2

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10209

ФЕНОМЕН КУЛЬТУРНОГО РАЗРЫВА: ФОРМИРОВАНИЕ ПРОБЛЕМАТИКИ В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОМ ПОЗНАНИИ И ОСНОВАНИЯ ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Андрей Николаевич Минченко

Челябинский государственный институт культуры, Челябинск, Россия, ma-n@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу использования понятия «культурный разрыв» и близких по содержанию и значению понятий и терминов в научном дискурсе. Целью является систематизация контекстов и аспектов их употребления в социально-гуманитарных науках, выделение существенных признаков феномена, соответствующего понятию «культурный разрыв», а также обоснование целесообразности его философского осмысления. Автором рассматриваются наиболее значимые манифестации феномена культурного разрыва в гуманитарном знании и истории философии, а также концептуализация культурного разрыва в научном дискурсе.

Ключевые слова: культурный разрыв, культурные различия, культурный перелом, культурный шок, культурная травма, конфликт, конфликтная ситуация

Для цитирования: Минченко А. М. Феномен культурного разрыва: формирование проблематики в социально-гуманитарном познании и основания философского осмысления // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 2 (460). Философские науки. Вып. 63. С. 66—74. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10209.

Original article

THE PHENOMENON OF CULTURAL DIVIDE: PROBLEM-SETTING IN SOCIAL AND HUMAN KNOWLEDGE AND FOUNDATIONS OF PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING

Andrej N. Minchenko

Chelyabinsk State Institute of Culture, Chelyabinsk, Russia, ma-n@bk.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of usage of the concept of cultural divide and similar terms in the scientific discourse. The aim is to systematize contexts and aspects of using it in social and human knowledge, to highlight the significant features of this phenomenon, and to justify the philosophical understanding of it. The author considers the most significant manifestations of the phenomenon of cultural divide in human knowledge and in history of philosophy, and the conceptualization of cultural divide in scientific discourse.

Keywords: cultural divide, cultural differences, breakdown of culture, cultural shock, cultural trauma, conflict, conflict situation

For citation: Minchenko AN. The phenomenon of cultural divide: problem-setting in social and human knowledge and foundations of philosophical understanding. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(2(460):66-74. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10209.

© Минченко А. М., 2022

Введение. В истории и современности известны многочисленные примеры противостояний и вражды между носителями различных ценностей, мировоззрений, убеждений. В гуманитарном знании выделяется множество разновидностей конфликтных ситуаций, обусловленных культурными различиями между представителями разных поколений, полов, рас, национальностей, религий, локальных социумов, социальных классов, уровней благосостояния, профессий, общественно-политических групп, субкультур и т. п., которые могут значительно усложняться ввиду принадлежности индивидов одновременно к нескольким из указанных общностей.

Многообразие и переплетение конфликтогенных культурных оснований позволяет осмысливать феномен формирования конфликтных ситуаций, основанных на культурных различиях, используя максимально общие понятия, отказываясь от тематических особенностей конкретных ситуаций, либо выделяя некую ведущую (главствующую) область обуславливающей культурной специфики. Исследователями в сфере культурологии, социологии, психологии, философии применяются понятия «культурный разрыв», «культурный перелом», «разлом культуры» [1], «межкультурный разлом» [2], «культурный шок» [3], «культурно-исторический разрыв» [4], «культурная травма» [5] и др., которые ввиду недостаточности четких определений и устоявшейся практики использования в научном дискурсе могут соответствовать одному и тому же феномену, либо близким, но различным феноменам, либо различным аспектам рассмотрения одного и того же феномена. При этом, учитывая нарастающий с начала 2000-х гг. интерес в социально-гуманитарных науках именно к «культурному разрыву», представляется целесообразным рассмотреть и обобщить практику использования данного понятия с целью систематизации контекстов его использования и выделения существенных признаков соответствующего феномена.

Об одном из знаковых конфликтов в истории России писал, например, В. О. Ключевский, рассматривая борьбу между церковным греческим и государственным западным влиянием на культурное положение нашего народа [6]. Раскрывая эту идею, Н. С. Речкин утверждал, что интенсивно перестраивающаяся со времен Петра I социально-экономическая сфера затронула все общественные отношения, и ликвидация традиционных социальных институтов привела к глубочайшему культурному разрыву [7], в частности между представителями «прогрессивной» правящей элиты и «консервативных» социальных институтов.

Отдельная глава в книге Л. Г. Ионина посвящена культурному разрыву, обусловленному распадом советского государства и случившемуся по причине укорененности переработанной марксистской мысли не только в обществе или идеологии, но и в сознании, шаблонах и схемах мысли советского человека [8]. Вместе с тем, исследователь не назвал период свержения императорской власти и установления большевистской диктатуры «культурным разрывом», а воспользовался понятием «культурного перелома», хотя оба понятия автором не определяются, не указываются их отличия. Возможное объяснение, с учетом контекста, может крыться в динамике этих феноменов и даже в причинно-следственной связи между ними. Так, вероятно, усиливающийся культурный разрыв, как «разделяющее различие» между социальными классами, привёл к возникновению революционной ситуации, которая, реализовавшись, породила резкий *перелом* большинства преобладавших культурных паттернов.

О культурном переломе писали также Н. Б. Маньковская (о «переломе культурных традиций») [9] и Д. Е. Крапчунов, который раскрыл свое видение значения термина через «двухядерную» структуру культуры, констатируя наличие двух ценностных ядер в культурной традиции, сменяющих друг друга в период культурного перелома через резкое взаимное противопоставление [10].

При этом вне зависимости от контекста исследований культурный перелом всегда связывается с серьезными сдвигами в ценностных основаниях культуры, с акцентами на появление в культуре чуждых ей элементов, противопоставление нового традиционному. По мнению Н. Б. Маньковской, в период перелома культурных традиций происходит накопление новаций с переходом от количественных изменений к качественным.

В западной этнографической литературе в конце 1990-х годов использовался термин «breakdown of culture», означающий в дословном переводе «разлом культуры» [1], однако он не обрел широкого распространения и использовался до настоящего времени в контексте идей цивилизационных «разломов», глубоких противоречий Европы и Азии, европейского и российского уклада жизни [11]. Так, например, на Западе в 1997 г. были опубликованы результаты исследования о причинах суицида в Швеции, на основе которых профессор психиатрии М. Ferrada-Noli вводит в своей статье термин «cross-cultural breakdown» («межкультурный разлом») [2].

Культурный разрыв имеет свою специфику и существенно отличается от культурного перелома,

хотя оба термина возникли в социально-гуманитарных науках сравнительно недавно и оба еще не вполне содержательно раскрыты.

Так, в раннем философском творчестве К. Маркса возникло понятие «саморазорванности» как качества действительных человеческих отношений [12]. Развитие частной собственности достигает апогея в капитале, который выдвигается на главенствующую позицию в системе общественных отношений, оставаясь по своей сути выражением противоречивой человеческой сущности. Разрыв конституируется существованием чуждых в отношении друг к другу *непримиримых противоположностей*. В контексте марксистской философии чуждыми друг другу сущностями являются человек и капитал, человек и царство созданных при посредстве капитала предметов и соответствующих отношений. Можно сказать, что человек становится чуждым самому себе. Последний из перечисленных аспектов был представлен в «Марксовой концепции человека» у Э. Фромма, отмечавшего формирование ущербности человека вследствие превращения труда в отчужденную и бессмысленную работу [13]. Собственно, в культуре как надстройке над материально-производственными отношениями тоже проходит глубокая трещина, разрывая ее на части. Разрыв происходит в общественном сознании, государственном строе, идеологии и т. д.

Таким образом, опираясь на философские идеи К. Маркса, можно предварительно, в самых общих чертах, определить культурный разрыв как состояние культуры, сложившееся в результате конфликтогенного процесса образования в ней непримиримых и чуждых друг другу смыслов, контрарных систем ценностей.

Еще один аспект, связанный с формированием идеи культурного разрыва, указывает на категорию культурных универсалий. Так, по мнению В. С. Степина, культура как самоорганизующаяся историческая система не может состоять из равноценных элементов, какие-то из них являются более важными, ключевыми, «отбирающими» и «выстраивающими» в систему все остальные. Универсалии — это «категориальные формы, посредством которых закрепляется социально-исторический опыт, он как бы упаковывается в них и передается от поколения к поколению» [14, с. 10]. Они являются основаниями, обеспечивающими системную целостность общества, его фундаментальные жизненные смыслы и ценности. В частности, культурными универсалиями являются традиция и историческая память. Можно предположить, что культурный разрыв конституируется глубоким различием в понимании культурных

универсалий (в усвоенном содержании универсалий), непосредственно влияющим на формирование принципиально различных картин мира, мировоззрений, глубоких различий в отношении людей к миру.

Культурный разрыв также связан с процессами, обозначаемыми юридической терминологией: «социальная ненависть и вражда», «социальное превосходство», «возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды» и т. д. [15], и соответственно с такими острыми социальными явлениями, как терроризм, религиозная нетерпимость, национализм и расизм. По мнению П. К. Гречко, эти явления зачастую создаются намеренно и используются для идеологического прикрытия «воспаленных социальных корней», обусловленность которых возможно следует рассматривать шире, чем существование «богатства» и «бедности», к которым ее свел исследователь. Соответственно политика, направленная на сохранение культурных традиций либо на формирование толерантности по отношению к другим нациям, религиям, идеям, может быть интерпретирована не только как комплекс позитивных мер, но и как симптом, указывающий на специфическое состояние культуры, вызревание противоречий, образование лакун, которые политики стремятся заполнить идеологией.

Есть еще одно немаловажное противоречие, которое М. С. Каган отмечал как противоречие социально-гуманитарной и естественно-технической культур, в определенных условиях стремящихся к антагонизму [16]. Эти культуры включают в себя принципиально различные тезаурусы, картины мира, способы познания, отношение к действительности, ценности, смыслы, вещи и могут быть фундированы различными ценностными ориентациями. Линия разрыва между этими культурами ярко просматривается в историческом аспекте.

Средневековые освященные религией традиции, например, охранялись канониками, убежденными в истинности своего толкования библейских книг, задававшими своего рода «стандарты интерпретации». Традиция, включая традицию интерпретации, была объявлена «божественным установлением», а всякая новация объявлялась ересью. В средневековой культуре происходило не только противостояние религиозного и светского, но и противостояние внутри религиозной культуры.

В Новое время, по общему мнению ряда исследователей, возник образ деятельного и инициативного индивида, стремящегося главенствовать над природой, в отличие от познающего законы мироздания и подчиняющегося им человека античного,

либо от служащего богу человеку Средневековья. Учения о человеческой сущности выдвинулись на авторитетные позиции, оценивая существование бога как излишнюю «гипотезу». Наука и соответствующее ей мировоззрение становится в авангарде культуры, пытается удержать монополию на истинное знание, лишая другие сферы (философию, искусство, религию) права открывать истину и владеть ею. В работе «Что такое метафизика?» М. Хайдеггер отмечал, что наука стала «страстью», выражая этим захваченность человека перспективами исследования мира и подчинения природы [17, с. 25]. Господство науки сопряжено с особым мироотношением, понижающим все науки как таковые.

Таким образом, господство научного мировоззрения привело к интенсификации развития техники, которая, по выражению М. Хайдеггера, стала «совершенно иной» [18], в сравнении с техникой прошлого. «Прогрессивное» человечество стало «хозяином» атомной энергии, получило в свои руки власть над природой. Власть техники достигла таких масштабов, что фактически техника могла оцениваться диаметрально противоположно: и как прогрессивная, и как разрушительная, опасная сила. Особенно четко эти оценки выражены в сциентистских и антисциентистских концепциях соответственно. Крайнее выражение этих позиций создает сильнейшую социальную напряженность и ведет к культурному разрыву. В определенном смысле, эти радикальные позиции опасны, и им присущи ненависть, призыв к вражде и даже уничтожению оппозиции, безразличие к морально-нравственным нормам и ценностям. Именно такие позиции представляют собой центробежные полярности, пытающиеся удалиться от центра, компромисса, «территории согласия», отрицающие любую мысль о примирении.

В информационном обществе, имеющем свою специфику, уникальные отношения и социальные связи, в обществе с доминированием информационно-коммуникационных технологий, ростом инновационной активности во всех сферах жизни проблема культурного разрыва приобретает новую остроту. Противоречивые тенденции предчувствовал уже Э. Тоффлер: «...то, что сейчас происходит, по всей вероятности, больше, глубже и важнее, чем промышленная революция. ...данное движение представляет собой не что иное, как второй великий раздел в истории человечества, сравнимый по размаху только с первым великим разрывом в историческом континууме — переходом от варварства к цивилизации» [3, с. 23—24]. Проводя аналогии с «шоком будущего», исследователь пользовался понятием «культурный шок»,

определив его как воздействие, которое погружение в чужую культуру оказывает на неподготовленного путешественника. Вместе с тем, заметим, что шок, в данном контексте, — это реакция индивида либо общества на причину — внезапное и масштабное изменение культурной среды, что отчасти применимо и к пониманию культурного разрыва.

Великий разрыв происходит в информационном обществе по линии традиций, привычного жизненного уклада и инновационного бесконтрольного, «хаотического» развития. На поверхностном уровне заметны интенсивно возникающие ноу-хау, медийные слоганы информационного общества, новый язык и другие подобные вещи. За всем этим скрывается пропасть между традицией и новым миром, поражающим неподготовленного человека своими гиперскоростями. Каждая сторона имеет свои ценности и оперирует своими культурными универсалиями. Каждая из сторон вкладывает различное содержание в существующие универсалии культуры. А по мнению Э. Тоффлера, в информационном обществе ускоряется разрыв с прошлым. И не только история делится на две эпохи, «доинформационную» и «информационную» — происходит разрыв культурных кодов, жизненных укладов, мировоззрений и ценностей [3, с. 28—29].

Глубокие различия новой и традиционной, «досетевой», «доцифровой» культуры усиливались идеологическими выпадами интеллектуалов с обеих сторон. Доступность интернет вызвала волну энтузиазма со стороны интеллектуалов, ориентированных на освобождение от влияния традиционных государственных структур.

Вместе с тем, отметим, что конфликтность между носителями указанных различных культурных кодов, укладов, мировоззрений и ценностей возможно не является неизбежным следствием, допустимо их бесконфликтное, параллельное по отношению друг к другу существование. Однако такой «тихий» разрыв практически исключает возможность плодотворного общения и «культурообмена», что прерывает процесс линейной передачи смыслов и ценностей «от предыдущего к последующему». В ситуации, когда одни не хотят жить по-старому, другие — не могут воспринять новое, «вертикаль» культурной трансляции заменяется горизонтальными вариантами, что может означать столкновение линейно организованной культуры и культуры ризомной.

Описанные выше процессы, связанные с проблематикой культурного разрыва, вполне очевидно актуализируют потребность в научной

рефлексии, в силу которой, начиная с конца XX века феномен культурного разрыва постепенно концептуализируется в гуманитарных научных исследованиях.

Так, в период с 1992 по 1998 год группой американских социопсихологов под руководством Д. Миллера и Д. Прентис были проведены всесторонние исследования проблемы межкультурных контактов и культурных разрывов, результаты которых опубликованы в сборнике статей под общим заголовком «Культурные разрывы: понимание и преодоление группового конфликта» [19]. Авторы отмечают, что традиционные взгляды психологов в данной сфере, преобладавшие с конца 1950-х гг. и сводившиеся к открытию универсальных принципов и инвариантных процессов для достижения позитивности межкультурных контактов через создание неких идеальных условий для их осуществления, полностью учитывающих либо нивелирующих различающиеся интересы и ценности сторон, стали практически бесполезны вследствие растущего этнического и культурного многообразия [19, с. 1—22], и констатируют изменение парадигмы, произошедшее в социальной психологии в период 1980—1999 годов. Смена парадигмы, по их мысли, проявилась как смена фокуса внимания социальных психологов к индивидуальным и групповым различиям. Вместо того чтобы рассматривать их как неудобства, «мешающие» применению универсальных принципов и требующие объяснения, исследователи все чаще рассматривают их как суть проблемы и как предметные выводы, представляющие первостепенный интерес.

Другой аспект — это смена направленности способа смягчения и разрешения конфликтов. Если ранее преобладавший подход был сосредоточен на сокрытии границ групп и подчеркивании их общности, в том числе в части статусов, отношений, целей, друзей, врагов и т. д. [19, с. 173—212], то сегодня исследователи все чаще ставят под сомнение такой подход, они приводят доказательства неизбежности групповой дифференциации, психологической значимости этнической идентичности, реальности и очевидности повсеместных культурных различий, а также отмечают, что попытки подчеркнуть общность взглядов часто терпят неудачу. Согласно новой парадигме, идея установления межгрупповой гармонии должна основываться на культурном плюрализме и признании разнообразия.

Попытка определения понятия культурного разрыва приводится в статье К. Стила и Д. Шермана, посвященной исследованию комплекса психологических особенностей, обусловленных

жизненным контекстом бездомных матерей в США, получающих социальное пособие. Культурный разрыв, согласно мнению авторов, может быть представлен как «граница между социальными общностями, чьи социально-экономические структуры, возможности для успеха, общественные договоры и стили настолько различны, что они определяют принципиально различающиеся психологии», своего рода виртуальный барьер, вызванный культурными различиями, которые препятствуют взаимодействию, взаимопониманию и установлению гармоничных взаимоотношений между участниками этих общностей [19, с. 393—428].

Психологический анализ межкультурных контактов был сфокусирован на теоретических конструкциях, предположительно являющихся посредниками между объективными особенностями окружающей среды и реакцией на них со стороны индивида. Три направления были признаны исследователями наиболее значимыми: теории социальных идентичностей, теории коллективных представлений и теории межгрупповых отношений.

Социальные идентичности, по мнению авторов, — это концепции себя и других, которые обусловлены членством в социальных группах и связаны с категоризацией людьми себя и других, по аналогии с категоризацией прочих живых и неживых объектов, в т. ч. в зависимости от характеристик индивида, свойств его восприятия и социального контекста [19, с. 173—212]. Данные теории утверждают, что люди для улучшения самооценки стремятся соответствовать свойствам социальных групп, к которым они себя относят, что также порождает тенденцию отдавать предпочтение собственной группе за счет других групп (фаворитизм группы). И граница между группами (культурный разрыв) играет центральную роль в определении социальных взглядов и оценок людей по обе стороны. Исследователями рассматривается модели группового сепаратизма [19, с. 23—34] и социального доминирования, принятие индивидом групповой иерархии, стремление человека к эссенциализации групповых различий [19, с. 80—132], динамика межгруппового антагонизма [19, с. 35—79].

Коллективные представления, согласно второму направлению рассматриваемых исследований, — это убеждения, ценности, интерпретационные установки и другие ментальные привычки, которые присущи конкретной культуре и более соответствуют свойствам группы, чем отдельных ее членов. Яркими примерами коллективных представлений являются дискриминационные стереотипы в отношении афроамериканцев в

США, преобладание индивидуальных и коллективистских ценностей в культурах соответственно Запада и Востока [19, с. 239—272], различия в общепринятых подходах к урегулированию конфликтов в европейско-американских, мексикано-американских и афро-американских культурах [19, с. 302—336].

В свою очередь, межгрупповые отношения авторы определяют как фактически сформировавшиеся отношения между конкретными группами, в сочетании с предрассудками, присущими данным отношениям, приобретенными в процессе социализации [19, с. 35—79]. Согласно мнению исследователей, социализация может привести как к слабой, так и к сильной этнической идентичности, то есть она может порождать как предрассудки, так и терпимость. Например, белые люди в США социализировались с очень слабой внутригрупповой идентичностью, поскольку их этническая принадлежность внутри страны почти не имела значения, стереотипы у них определяют доброжелательные межгрупповые установки, за исключением негативных взглядов на чернокожих. Для чернокожего населения же, напротив, условия их социализации породили в наивысшей степени выкристаллизовавшуюся внутригрупповую идентичность.

Количественные и качественные характеристики возникающих культурных разрывов весьма вероятно находятся в некоторой зависимости от уровня культурного многообразия. Так, американские исследователи К. Десмет и Р. Вачиарт оценили динамику культурных разрывов как разнородность культурных ценностей между различными группами в США, измерив ее посредством математической обработки результатов ежегодных социологических опросов, отметив ее снижение в период с 1972 г. по 1999 г. и умеренный рост с начала 2000-х гг. [20].

Ряд отечественных исследований, появившихся на протяжении двух десятилетий XXI века, также посвящен проблеме культурного разрыва. Например, И. В. Нарский писал о культурном разрыве между поколениями [21], Ю. В. Грицков исследовал «культурно-исторические разрывы» [4]. В социологическо-педагогическом исследовании Е. И. Орловой утверждалось, что культурный разрыв сопряжен с гуманитарной катастрофой, обусловленной критическим снижением качества знаний молодого поколения, вызванным «егэизацией» образования и образовательной политикой [22]. И. Н. Морозова, в свою очередь, пишет о разрывах «культурной памяти», которые возникают благодаря различным факторам: намеренной или неумышленной фальсификации истории,

игнорированию исторического наследия и опыта, отсутствием у молодого поколения интереса к дисциплине и науке и т. д. [23].

В отдельную группу можно включить исследования, в которых культурный разрыв сопряжен с отказом от традиции. В научном дискурсе культурный разрыв и традиция образуют достаточно устойчивую смысловую пару. Так, О. Д. Шемякина называет культурный разрыв «очевидным», отмечая, что этим понятием обозначаются фактически множественные разрывы между культурами. Ярким примером культурного разрыва О. Д. Шемякина считает отраженный в противостоянии «западников» и «славянофилов» разрыв между традиционной культурой и культурой вестернизации [24], который, по существу, является очередным проявлением разрыва между своим (исконным, традиционным) и чужим, с обострением противоречия между тенденциями на удержание традиционного (национально идентичного) и ориентации на новационное (соответствующей интернациональной ценности — прогрессу).

В научных исследованиях зачастую противопоставляют западные и восточные ценности, указывая на глубинные противоречия между ними, исторически обусловленные в т. ч. религиозными корнями. Достижения западной цивилизации базируются на духовной платформе протестантизма. Для восточной культуры характерен пиетет духовных традиций, культурного наследия, в основе азиатских ценностей лежит конфуцианская мораль, растворяющая индивида в коллективе, семье, государстве, человечестве [25].

Культурный разрыв образуется, таким образом, по линии контрастирующих ценностей. Приведенные исследования отражают разрыв в контексте исторически сформировавшихся ценностей западной и восточной культур. Применительно к России, в пространстве которой сосуществуют и восточные и западные ценности, о Западе нередко говорят как об «аттракторе», который буквально «магнитит» элементы культуры и «разрывает» культуру на части. В результате культурного разрыва возникают и попадают в обиход такие понятия, как «обскурантизм», «мракобесие», «традиционализм», «консерватизм», «американофилия», «прогресси́зм» и другие, которые можно рассматривать как языковые «индикаторы» разрыва.

Заключение. Резюмируя, можно утверждать, что в ряде областей социально-гуманитарного познания, таких как культурология, философия культуры, социология, социальная психология и др., изучаются различные аспекты культурного разрыва, преимущественно в рамках прояснения

причин и следствий конфликтных ситуаций, в т. ч. с прогностическими и превентивными целями, а само словосочетание начинает входить в научный оборот. Тем не менее исследователи не дают определения культурному разрыву, часто пишут о нем в определенном узком контексте и нередко используют это понятие без какого-либо содержательного раскрытия. Вследствие этого можно констатировать сформировавшуюся потребность в строгом и однозначном определении культурного разрыва с избавлением от метафоричности при его использовании. Философское осмысление данного феномена обеспечит выведение его осмысления и исследования на новый, предельно общий уровень рефлексии, отвлеченный от предметной конкретности, с акцентированием принципиально значимых и отличительных его свойств, обнаруживаемых при анализе любых конкретных, эмпирически фиксируемых его проявлений. Весьма вероятно, что концепция культурного разрыва с точки зрения философии может быть применена к пониманию как различных состояний культуры вообще, так и отдельных тенденций и процессов в культуре, включая смены культурных циклов, научные революции, зарождение субкультур и др.

Как было показано, культурный разрыв — это состояние культуры, с которым связывают неоднозначные перемены, влекущие за собой разрушительные последствия для общества и человека, обостряющиеся в контексте стремительных изменений культурной среды информационной эпохи. В качестве одного из основных

отличительных признаков феномена культурного разрыва как особого состояния культуры, следует выделить абсолютизацию культурных различий, возведение их до степени полного взаимотриггера, принципиальной несовместимости. В отличие от разрозненных и малозначимых противоречий, присутствующих в любой культуре, для феномена культурного разрыва характерна высокая концентрация антагонистических культурных противоречий, прежде всего на аксиологическом (ценностном) уровне, в совокупности порождающая конфликтогенный потенциал. Если провести границы с приведенными выше «родственными» понятиями, с учетом причинно-следственных связей, уместно предположить, что культурный перелом (разлом культуры, межкультурный разлом) является следствием культурного разрыва, деструктивной реализацией его накопленного потенциала. В свою очередь, культурная травма, как некое «травмирующее» воздействие на культуру, соответствует одной из возможных причин образования культурного разрыва, а культурный шок — это реакция индивидуального или общественного сознания на внезапное перемещение в ситуацию культурного разрыва.

Кроме того, возможно говорить о существовании двух типов линий культурного разрыва: одной, проходящей в обществе, например, между этносами, нациями, государствами, и второй, проходящей в самом человеке, что открывает дополнительные возможности к исследованию культурного разрыва в контексте индивидуального бытия человека.

Список источников

1. Fox R. Editorial: The Breakdown of Culture. URL: <https://www.journals.uchicago.edu/doi/10.1086/ca.36.1.2744219> [Accessed 01 October 2021].
2. Ferrada-Noli M. A cross-cultural breakdown of Swedish suicide // *Acta Psychiatrica Scandinavica*. 1997. Vol. 96, iss. 2. Pp. 108—116.
3. Тоффлер Э. Шок будущего. М. : АСТ, 2002. 557 с.
4. Грицков Ю. В. Феномен страдания в ситуации культурно-исторического разрыва // *Российский человек в «разломе эпох»: quo vadis?* // Материалы XV Международной научно-практической конференции Гуманитарного университета. 2012. С. 175—179.
5. Яхьяева А. Х. Культурная травма в этногенезе народа // *Актуальные направления научных исследований: перспективы развития* : сб. материалов VI Междунар. науч.-практ. конф. 2018. С. 37—38.
6. Ключевский В. О. Курс русской истории. Лекция LIII. URL: <http://www.spsl.nsc.ru/history/kluch/kluch53.htm> (дата обращения 01.10.2021).
7. Речкин Н. С. Западничество и славянофильство: культурный разрыв и стереотипы в образовании // *Гуманитарные и социально-экономические науки*. 2006. № 1 (20). С. 184—187.
8. Ионин Л. Г. Социология культуры. М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. 427 с. С. 264.
9. Маньковская Н. Б. Эстетика на переломе культурных традиций. М. : ИФ РАН, 2002. 239 с.
10. Крапчунов Д. Е. Проблема культурного перелома в контексте аксиологического подхода // *Известия Томского политехнического университета*. 2009. Т. 315, № 6. С. 119—122.

11. Tsitkilov P. Ya. Classical Eurasians about the civilizational identity of Russia // *Vestnik of St. Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*. 2021. Vol. 37, iss. 2. Pp. 256—267.
12. Маркс К. Тезисы о Фейербахе (с комментарием Э. В. Ильенкова). URL: <http://spinoza.in/theory/tezisy-o-fejerbahe-s-kommentariem-e-v-il-enkova.html> (дата обращения: 01.10.2021).
13. Фромм Э. Марксова концепция человека. URL: https://scepsis.net/library/id_642.html (дата обращения: 01.10.2021).
14. Степин В. С. Философия и универсалии культуры. СПб., 2000.
15. Гречко П. К. Запрет на разжигание социально-культурной розни: правовые нормы и реалии // *Человек*. 2011. № 2. С. 71—82.
16. Каган М. С. Философия культуры. — СПб. : Петрополис, 1996. 278 с.
17. Хайдеггер М. Что такое метафизика? М. : Академический Проект, 2013.
18. Хайдеггер М. Вопрос о технике. URL: http://www.bibikhin.ru/vopros_o_tekhnike (дата обращения: 01.10.2021).
19. *Cultural divides: understanding and overcoming group conflict*. New York : Russell Sage Foundation. 2001. 508 p.
20. Desmet K., Wacziarg R. The Cultural Divide // *NBER Working Paper*. 2018. No. 24630, May. 53 p.
21. Нарский И. В. «Будущее-в-прошлом»: публичное продвижение (советских) семейных «реликвий» в оптике культурно-поколенческих разрывов // *Пути России. Будущее как культура: прогнозы, репрезентации, сценарии. Доклады участников XVII международного симпозиума*. 2011. С. 322—338.
22. Орлова Е. И. Возможно ли преодолеть культурный разрыв? // *Век информации*. 2016. № 2. С. 326—329.
23. Морозова И. Н. «Бегство» из истории: разрывы культурной памяти, актуальность преемственности прошлого — настоящего — будущего // *Девятнадцатый Славянский научный собор «Урал. Православие. Культура» : материалы международной научно-практической конференции: сборник научных статей*. Челябинск, 2021. С. 166—177.
24. Шемякина О. Д. Разрыв и преемственность в русской культурной традиции: опыт диалога // *Общественные науки и современность*. 2011. № 1. С. 106—116.
25. Юмашев Ю. М. Азиатские ценности: между моралью, политикой и правом // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2019. № 3 (76). С. 29—41.

References

1. Fox R. Editorial: The Breakdown of Culture. Available from: <https://www.journals.uchicago.edu/doi/10.1086/ca.36.1.2744219> (accessed 01 October 2021).
2. Ferrada-Noli M. A cross-cultural breakdown of Swedish suicide. *Acta Psychiatrica Scandinavica*. 1997; 96(2):108-116.
3. Toffler A. *Future Shock*. Moscow: AST; 2002. (In Russ.).
4. Gritskov UV. The Russian Man in “the Fault of the Age”: quo vadis? *Bulletin of XV International scientific-practical conference of Humanitarian University*. 2012:175-179 (In Russ.).
5. Yah’yaeva AH. The cultural trauma at ethnogenesis of people. In: *Aktualnie napravleniya nauchnyh issledovaniy*. 2018:37—38 (In Russ.).
6. Klyuchevskiy VO. *Course in Russian history*. Available from: <http://www.spsl.nsc.ru/history/kluch/kluch53.htm> (accessed 01 October 2021). (In Russ.).
7. Rechkin NS. Westernization and Slavophilism: cultural divide and stereotypes in education. *Gumanitarnie i sotsialno-ekonomicheskie nauki*. 2006;1(20):184-187 (In Russ.).
8. Ionin LG. *The sociology of culture*. Moscow: GU VSHE; 2004. (In Russ.).
9. Man’kovskaya NB. *The Aesthetics of a Cultural Turnabout*. Moscow: IF RAN; 2002. (In Russ.).
10. Krapchunov DE. The problem of cultural breakdown in the context of an axiological approach. *Izvestiya Tomskogo politehnicheskogo universiteta*. 2009;6:119-122. (In Russ.).
11. Tsitkilov PYa. Classical Eurasians about the civilizational identity of Russia. *Vestnik of St. Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*. 2021;37(2):256-267. (In Russ.).
12. Marks K. *Theses about Feuerbach*. Available from: <http://spinoza.in/theory/tezisy-o-fejerbahe-s-kommentariem-e-v-il-enkova.html> (accessed 01 October 2021). (In Russ.).
13. Fromm E. *The Marxist concept of human*. Available from: https://scepsis.net/library/id_642.html (accessed 01.10.2021). (In Russ.).

14. Stepin VS. Philosophy and universalizations of culture. St. Petersburg, 2000. (In Russ.).
15. Grechko PK. Prohibition of incitement to social and cultural discord. *Chelovek*. 2011;2:71-82. (In Russ.).
16. Kagan MS. The philosophy of culture. St. Petersburg: Petropolis; 1996. (In Russ.).
17. Heidegger M. What metaphysics is? Moscow: Akademicheskii Proekt; 2013. (In Russ.).
18. Heidegger M. The question about technique. Available from: http://www.bibikhin.ru/vopros_o_tekhnike (accessed 01 October 2021). (In Russ.).
19. Cultural divides: understanding and overcoming group conflict. New York: Russell Sage Foundation; 2001.
20. Desmet K., Wacziarg R. The Cultural Divide. *NBER Working Paper*. 2018:24630.
21. Narskiy IV. «The Future in The Past»: public promotion of (Soviet) family «relics» in the optics of cultural-generational breaks. *Puty Rossii. Budushee kak kultura: prognozy, representatsii, stsenarii*. 2011:322-338. (In Russ.).
22. Orlova EI. Is it possible to bridge the cultural divide? *Vek informatsii*. 2016;2:326-329. (In Russ.).
23. Morozova IN. «Escape» from history: gaps in cultural memory. In: XIX Slavianskiy nauchnii sobor «Ural. Pravoslavie. Kultura». Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Chelyabinsk; 2021. Pp. 166-177. (In Russ.).
24. Shemyakina OD. Breaking up and continuity in the Russian cultural tradition: experience of dialogue. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2011;1:106-116. (In Russ.).
25. Yumashev UM. Asian values: between morality, politics and law. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitelnoy pravovedeniya*. 2019;3(76):29-41. (In Russ.).

Информация об авторе

А. Н. Минченко — аспирант направления подготовки «Философия, этика и религиоведение», профиль «Философская антропология, философия культуры».

Information about the author

A. N. Minchenko — post-graduate student of the field of study “Philosophy, Ethics and Religious Studies”, profile “Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture”.

Статья поступила в редакцию 27.09.2021; одобрена после рецензирования 31.10.2021; принята к публикации 18.01.2022.

The article was submitted 27.09.2021; approved after reviewing 31.10.2021; accepted for publication 18.01.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.